

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждения высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра «Международные отношения, политология и регионоведение»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой, к. т. н.,
доцент

_____ Л. И. Шестакова
_____ 2019 г.

**ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1991–2018 гг.)**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ –41.03.01.2019.424. ВКР

Руководитель работы, д. и. н.,
профессор

_____ А. Д. Таиров
_____ 2019 г.

Автор работы
студент группы ЛМ-407

_____ А. М. Джомартова

Нормоконтролер, д. и. н.
профессор

_____ А. Д. Таиров
_____ 2019 г.

АННОТАЦИЯ

Джомартова А. М. Этнотерриториальные и пограничные проблемы в Центральной Азии. – Челябинск: ЮУрГУ (НИУ), ЛМ-407, 53 с., библиогр. список – 22 наим.

Объектом исследования являются молодые независимые государства Центральной Азии, возникшие после распада СССР.

Целью работы являются раскрытие сущности этнотерриториальных и пограничных проблем в Центральной Азии.

Территориальный и пограничный вопрос является на данный момент ключевым фактором в системе региональной политики. После распада СССР в Центральной Азии на месте бывших союзных республик появились независимые государства – Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. К сожалению, они так и не сумели за прошедшую четверть века выстроить добрососедские отношения друг с другом, договориться о границах и создать единое политическое, экономическое и культурное пространство. На сегодняшний день тоже продолжается процесс деградации межгосударственных отношений в Центрально-Азиатском регионе, и одной из причин этого является нерешенность территориального вопроса.

Выпускная квалификационная работа выполнена с целью комплексного исследования этнотерриториальные и пограничные проблемы начиная с 1990-х годов до наших дней.

Результаты исследования могут быть использованы для подготовки к практическим занятиям по истории стран Центральной Азии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
1 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРЯНЫЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И УЗБЕКИСТАНОМ.....	9
2 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ КЫРГЫЗСТАНОМ И ТАДЖИКИСТАНОМ.....	19
3 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ УЗБЕКИСТАНОМ И КЫРГЫЗСТАНОМ.....	24
4 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И ТУРКМЕНИСТАНОМ.....	32
5 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ УЗБЕКИСТАНОМ И ТАДЖИКИСТАНОМ.....	35
6 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И КЫРГЫЗСТАНОМ.....	43
7 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ УЗБЕКИСТАНОМ И ТУРКМЕНИСТАНОМ.....	45
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	50
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	52

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы. Можно сказать, что несмотря на прямой самостоятельное значение всего комплекса существующих в Центральной Азии застарелых этнотерриториальных и пограничных проблем, в данной главе будут рассмотрены исключительно проблемы взаимоотношений между государствами Центральной Азии (Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном) настоящее политическое влияние данного фактора в 1990-е гг. скорее всего, имело по сравнению с вопросами экономического и геополитического порядка фоновый и вторичный характер. Более того, продемонстрировать лидеры пяти государств региона необходимую гибкость и кооперативность, как то собственно диктовали их национальные интересы, пограничная и этнотерриториальная тематика могла бы постепенно стать достоянием истории. Наверно здесь сыграли негативную роль разноплановые амбиции центральноазиатских президентов и их довольно непростые личные взаимоотношения. Катализатором взаимовыгодного сотрудничества не стала и унаследованная от СССР система взаимодополняющих народнохозяйственных связей, которая, напротив, породила соблазн использовать ее элементы для оказания эффективного нажима друг на друга. Собственно говоря, в роли подобного элемента выступала и традиционная взаимозависимость этнотерриториального плана.

В настоящий момент из всех существующих независимых государств в Центральной Азии вопрос о делимитации сухопутных границ с сопредельными странами решили только Туркменистан и Казахстан. Самое большое количество

территориальных споров, приводящих к приграничным вооруженным конфликтам, возникло между Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном, имеющих общую границу в районе Ферганской долины, где наблюдается тяжелая социально-экономическая ситуация (высокая плотность и быстрый рост населения, дефицит сельхозугодий, недостаток водных ресурсов), а также сильные позиции сторонников исламского радикализма.

Объектом исследования – молодые независимые государства Центральной Азии, возникшие после распада СССР.

Предметом исследования выступают этнотерриториальные и пограничные проблемы в Центральной Азии с 1990-х до наших дней.

Целью работы являются раскрытие сущности этнотерриториальных и пограничных проблем в Центральной Азии.

Задача работы:

- определить время формирования этнотерриториальных и пограничных проблем;
- высказать особенности этнотерриториальных и пограничных проблем в период СССР;
- рассмотреть особенности этнотерриториальных и пограничных проблем в Центральной Азии после 1990-е годы;
- характеризовать этнотерриториальные и пограничные проблемы стран Центральной Азии;
- показать главные черты этнотерриториальных и пограничных проблем в Центральной Азии;

1 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГЛРАНЫЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И УЗБЕКИСТАНОМ

Связи между двумя крупнейшими центральноазиатскими государствами – Узбекистаном и Казахстаном в течение всего периода их независимого существования в целом остаются крайне сложными. Характерное для 90-х гг. относительное согласие, выстраивавшиеся подчас на совместном противодействии реальному или мнимому реинтеграционному давлению со стороны Москвы, постепенно уступает место растущей напряженности. Ближайших соседей, в конечном счете, жесткая конкуренция за иностранные инвестиции и политическую поддержку, развели разнотипность моделей экономических и политических реформ, несовместимые региональные и международные амбиции руководства Республики Казахстан и Республики Узбекистан, принципиально отличные позиции по отношению к СНГ и России. Свою роль сыграла и очевидная напряженность в личных взаимоотношениях между И. Каримовым и Н. Назарбаевым, далеко выходящая подчас за рамки протокольной деликатности.

В 1990-е гг. в целом сохранялись и традиционные формы экономической взаимозависимости двух стран. Так, нормальное существование южных районов Казахстана, в свое время экономически привязанные к, почти исключительно обусловлено устойчивыми поставками электроэнергии и газа из ташкентской зоны Республики Узбекистан. Со своей стороны, Узбекистан постоянно нуждается в закупках казахстанского зерна и использовании территории соседнего государства для транзитных перевозок. Однако до недавнего времени

вместо логичной кооперации широко использовались силовые методы: Узбекистан прибегал к отключениям газа, а Казахстан отвечал ценовой блокировкой транзитных перевозок; перманентным в 1990-е гг. стало также состояние таможенной войны [21].

В целом отличительной чертой отношений двух стран легко сменявшегося затяжным противостоянием в 1990-е гг. являлась быстротечность того или иного тактического взаимодействия. Общую картину в 1990-е годы составляло, несколько не меняет высокая частотность двусторонних встреч на высшем уровне, в частности шесть узбекско-казахских саммитов, так как, во внешней политике Астаны и особенно Ташкента подобный показатель часто не является индикатором глубины, вопреки международной практике и устойчивости отношений.

Однако отдельные факты нарушения прав и интересов казахской общины в Узбекистане и узбекской – в Казахстане, межэтнические отношения в целом остаются зоной, свободной от серьезных конфликтов. Устойчивым в течение всего советского и последующего периодов остается, удельный вес данных этносов: на уровне 4–5% у казахов Узбекистана (на сегодня – около 1,2 млн. чел. по оценке казахской стороны. В соответствии с узбекской официальной статистикой, по состоянию на 1 января 2000 г. 979 058 казахов были зарегистрированы в Узбекистане. Согласно заявлению президента Республики Узбекистан И. Каримова, сделанному им Астане 9 сентября 2002 г., «в Узбекистане живут более 1,1 миллионов казахов») [21] и 2 % узбеков Казахстана (свыше 400 тыс. чел.). При этом в Чимкентской области узбеки составляют около 16 % населения, а Ташкентской области казахи – 12,4 % населения и Каракалпакстана свыше 26 % – населения. По мнению ряда экспертов, именно двух этносов зоны компактного расселения – в условиях напряженности в двусторонних отношениях – могли стать источником потенциальных конфликтов.

1) Каракалпакстан. Этнически родственные и традиционные дружественные каракалпаки, и казахи вместе друг другу взятые абсолютное большинство населения составляют здесь (около 60 %). Кроме того, в среде титульной нации существует устойчивое неприятие политики центральной властей и столь же устойчивые про российские и одновременно про казахские настроения, питаемые известными историческими обстоятельствами: первой центральноазиатской этнической группой были каракалпаки (наряду с казахами), обратившейся к России еще в 1731 и 1743 гг. с просьбой о принятии их российское подданство Каракалпаки были приняты подданство России в соответствии с грамотой императрицы Елизаветы Петровны от 12 августа 1743 г. На присягу чтобы верил, Россию принесли два каракалпакских хана, шесть султанов и 44 старшины; после этого каракалпакские районы имели особый статус и в составе Туркменского генерал-губернаторства (1873–1917 гг.) и в рамках Туркменской АССР (1918–1924 гг.) наконец, с февраля 1925 по июль 1930 г. Каракалпакстан входил в состав Казахской ССР, а с 1930 по 1936 г. – в состав РСФСР; лишь после неоднократных обращений тогдашнего узбекского руководства Каракалпакская АССР в 1937 г. была передана в состав Узбекистана.

Можно подчеркнуть, что шестилетнее пребывание Каракалпакии в составе Казахстана одним из последствий имело появление территориальной проблемы. Речь идет о 55 тыс. кв. км. племенных земель рода адайцев из Младшего жуза, прирезанных к Каракалпакии в 1925 г. Этих земель передав была обусловлена исключительно фактом вхождения в Казахстан Каракалпакии и не предусматривали потерю казахской юрисдикции. Последующее и уже окончательное присоединение указанных территорий к Узбекистану хотя и было оформлено соответствующими постановлениями Верховного Совета СССР, ни тогда, ни сейчас не рассматривалось в Казахстане как справедливый и юридически обоснованный акт.

Отдельная тема – это являвшийся закрытой военной зоной до 1988 года, расположенный остров Возрождения в Аральском море, где в рамках

специальной лаборатории Института микробиологии при Министерстве обороны СССР проводились исследования в области бактериологического оружия. Маловодье 2000–2001 гг. привело к тому, что в результате усыхания северной части Аральского моря от основной акватории отделилось так называемое «Малое море» и с суши соединился остров Барсакельмес. В ближайшие год-два с материком соединится и собственно остров Возрождения, где находятся «могильники», содержащие отходы производства бактериологического оружия, с не установленной до конца этиологией. По мнению специалистов, свободный доступ на эти территории в ближайшие 25 лет небезопасен, так как несет непосредственную угрозу распространения заболеваний в другие регионы. Косвенным подтверждением этого могут служить случаи заболеваний сибирской язвой, ящуром и чумой, зафиксированные в последние годы в казахстанском Приаралье. Происходящее, как полагают, отчасти вызвано наездами на остров казахстанских граждан для разграбления имущества, оставшегося от бывшей советской армии. В пользу Узбекистана бывшая межреспубликанская граница разделяет остров в соотношении 79 % к 21 %. Исправив идею линии границы, активно лоббировали два казахстанских сенатора Б. Каюпов и С. Байбеков в 1999 г. в пользу Астаны. Речь шла о возрождении под казахскую юрисдикцию бывших военных городков Возрождение и Кантубек (с прилегающими землями), о которых, по имеющейся информации, в свое время решением Министерства обороны России были переданы казахской стороне. Не исключено, что реальной подоплекой инициативы казахстанских сенаторов стала пока не подтвержденная информация о разведанных на острове Возрождения значительных запасах природного газа. Впрочем, за все последние десять лет официальная Астана ни разу не поднимала, ни проблематику границы, ни вопрос о землях адайцев на острове Возрождения [21].

2) Южно-Казахстанская область (ЮКО). Проживающие здесь узбеки (по разным оценкам, от 300 до 350 тыс. чел.) контролируют значительную часть областной торговли и одновременно местного мусульманского духовенства

составляют костяк. Гипотетически и то, и другое предоставляет Узбекистану определенные рычаги воздействия, однако потенциал узбекской общины Южного Казахстана использовался до сих пор весьма незначительно. Более того, если в соответствующих структурах Республики Узбекистан разрабатывались детальные планы оказания давления в начале 1990-х гг. на Алматы через узбеков юга Казахстана, то уже в Ташкенте в последние годы, наоборот, заняли подчеркнуто отстраненную позицию, ограничиваясь посылкой школьных учебников и одновременно отказывая многочисленным ходокам от узбекской общины ЮКО в любых иных просьбах (включая даже возможность льготного поступления в вузы Республики Узбекистан).

В целом до второй половины 1990-х гг. неурегулированность пограничного вопроса и связанный с этим комплекс этно-территориальных проблем служили скорее фоном, реже предлогом для продвижения более существенных экономических и геополитических интересов сторон. Более того: территориальная и пограничная тематика не только старательно выводилась за рамки публичного обсуждения, но даже не включалась (исключительно по настоянию Ташкента) в перечень вопросов в рамках закрытых экспертных консультаций. Казахская сторона вопрос о делимитации границ ставила неоднократно; в ходе поездки в Узбекистан министра обороны Казахстана К. Абдуллаева (в октябре 1998 г.) впервые это было сделано в официальном порядке. Единственным же официальным контрдоводом узбекской стороны служили рассуждения типа «мы – братские народы и у нас должны быть прозрачные границы». Использование этого тезиса прекращается лишь в 1999 г., после февральских взрывов в Ташкенте. По официальной версии 16 февраля 1999 г. в Ташкенте неизвестными злоумышленниками (позднее ассоциированными с исламской и националистической оппозицией) была произведена серия взрывов, квалифицированных как «терроризм», «покушения на жизнь главы государства» и «попытка государственного переворота» хотя от конструктивного обсуждения давно назревшей проблемы руководство Республики Узбекистан продолжало

уклонятся, либо ссылаясь на преждевременность и не проработанность вопроса (как это было сделано в частности в ходе майского (1999 г.) визита в Республику Узбекистан премьер-министра Республики Казахстан Н. Балгимбаева), либо попросту игнорируя соответствующие запросы Астаны. Н. Назарбаев, неоднократно выражавший свое крайнее раздражение отсутствием необходимых двусторонних договоренностей по пограничной тематике, еще в июле 1999 г. дал прямое поручение Министерству иностранных дел Республики Казахстан К. Токаеву о скорейшем проведении соответствующих переговоров с узбекской стороной. Приглашение министерства Республики Узбекистан А. Камилову посетить с кратким рабочим визитом Астану было тогда же направлено адресату. Визит, впрочем, не состоялся ни в июле, ни в августе. В связи с тем, что А. Камилов не прибыл и на алмаатинскую встречу (14 сентября 1999 г.) министров иностранных дел государств – участников СВМДА (Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии) была упущена возможность и для краткого обмена мнениями по проблеме делимитации [21].

Более того, начиная с весны 1999 г., Ташкент предпринимает ряд односторонних мер по фактической демаркации границы. Так, в поселок Назарбек (90 % населения – казахи) Туркестанского района Ташкентской области в мае – июне 1999 г. был передислоцирован батальон ВДВ Республики Узбекистан (250 человек). Приблизительно по 70 десантников было размещено в двух других казахских поселках Бостандыкского района – Хумсан и Табаксай. Тогда же данные подразделения начали установку пограничных столбов и вышек, а Ташкентский тракторный и авиационный заводы получили срочные заказы на изготовление дополнительных вышек наблюдения, а также колючей проволоки для осуществления необходимых мероприятий по демаркации узбекско-казахской границы со стороны Ташкентской области.

Судя по всему, это была попытка сработать на опережение, руководствуясь не только вполне объяснимым стремлением перекрыть для собственных оппозиционеров наиболее удобный коридор ухода за границу, но и намереваясь,

очевидно, окончательно оформить де-факто узбекскую юрисдикцию над рядом казахских населенных пунктов, переданных в 1956–1962 гг. в административное подчинение Ташкентской области. Речь идет о входившем до 1956 г. в Чимкентскую область Казахстана Бостандыкском районе (сегодня это – Бостанлыкский район Ташкентской области) и некоторых прилегающих поселках, по состоянию на 1962 г. входивших в состав Джетысайского, Пахтаральского и Кировского районов КазССР. Эти три района были возвращены Казахстану еще в 1960-е гг., однако не полностью.

В стремлении предпринять определенные превентивные меры казахская сторона инициирует соответствующие обращения население Южно-Казахстанской области, которые позволяют Астане эффективнее отстаивать собственные интересы. Так, в июле 1999 г. в чимкентском газете «Айгак» публикуется письмо жителей ЮКО президенту Н. Назарбаеву с требованием незамедлительно добиться возвращения к Казахстану Бостандыкского района который, по утверждениям составителей послания, был передан Узбекской ССР лишь во временное пользование – до 1991 г. Несколько ранее, в мае 1999 г., ссылаясь на многочисленные жалобы населения приграничных поселков («постоянный нестерпимый шум») было обосновано решение Астаны запретить базирующейся на аэродроме Чирчик военной авиации Республики Узбекистан пересекать воздушное пространство Казахстана. Последнее было неизбежно в силу географического расположения аэродрома, местной розы ветров и ТТХ узбекских СУ-25, вынужденных при взлете углубляться в воздушное пространство Казахстана на 4 км. Острая конфликтная ситуация вокруг одного из двух базовых военных аэродромов Республики Узбекистан сохранялась до августа, когда под влиянием «баткенских событий» сторонам удалось договориться в рабочем порядке. Речь идет о вторжении террористов Исламского движения Узбекистана (ИДУ) на территорию Баткенского района Ошской области Кыргызстана в августе–сентябре 1999 г. с последующей попыткой ИДУ прорваться на территорию Узбекистана.

Откровенным показателем роста взаимного недоверия в 1999 г. стало размещение на границе постоянно действующих погранпостов. В течение июня–июля было установлено погранпосты на 7 из 9 существующих КПП узбекской стороной. Казахская сторона в качестве ответной меры сочла необходимым разместить погранпосты лишь на двух постоянно открытых КПП – Жибек-Жола. (Черняевка) и Капланбек (Джетысай) [21] .

Весь комплекс накопившихся проблем по пограничной тематике в конечном счете, похоже, заставил руководство Республики Узбекистан, хотя и с трудом, но начать пересматривать свои прежние негативные подходы по крайней мере к проведению соответствующих двусторонних консультаций: в октябре 1999 г. было принято решение в Ташкенте о создании специальной комиссии по урегулированию пограничных споров с Казахстаном. Печальным эпизодом, ускорившим принятие этого решения, стало убийство (в середине октября 1999 г.) узбекским пограничником возвращавшегося от родственников из Казахстана гражданина Республики Узбекистан, казаха по национальности. Знакомым стало и разрешение руководителю погранслужбы Республики Казахстан совершить (совместно с командующим пограничных войск Республики Узбекистан) в начале ноября 1999 г. рекогносцировочный облет всей линии казахско-узбекской границы. Казахской стороне удалось также добиться согласия узбеков на включение вопроса о делимитации границы в повестку дня предстоящего пятого заведения узбекско-казахской комиссию по сотрудничеству.

Тем не менее, в стремлении закрепиться на спорных территориях Ташкент, не дожидаясь соответствующих согласованных делимитационных процедур, в начале 2000 г. принял в приграничных районах ряд очередных шагов заведомо провокационного характера. В частности, имела место установка пограничных номерных столбиков на территории казахстанского совхоза Багы (Сарыагачский район Республики Казахстан) с попыткой «прирезания» к Узбекистану 9 домов, жителям которых было предложено тут же на месте оформить гражданство Республики Узбекистан. Сразу после отъезда из Багы узбекских чиновников

(включая сотрудников МВД и погранслужбы) совхозники ликвидировали новые пограничные знаки и проинформировали о случившемся районное руководство. За этим последовало демонстративное вторжение на оспариваемую Узбекистаном территорию Южно-Казахстанской области Республики Казахстан нескольких узбекских БТР в рамках регулярных тренировочных занятий однако из подразделений, входящих в ОК (Оперативное командование) «Ташкент». Только после ответного выдвижения дислоцированной в ЮКО казахстанской бронетехники узбекское армейское подразделения было выведено обратно. Учитывая, прочим, крайне низкий уровень боевой подготовки и дисциплины в вооруженных силах Республики Узбекистан, не исключено, что речь шла об элементарной безграмотности или безответственности. По результатам телефонной беседы двух президентов, а также многосторонней встречи акимов ЮКО Республики Казахстан, госсоветника президента Республики Узбекистан, а также представителей пограничных и таможенных служб с выездом на места вышеупомянутых инцидентов, ситуацию в конечном счете удалось стабильной визировать.

С февраля 2000 г. по октябрь 2001 г. состоялось несколько весьма непростых раундов встреч двусторонней узбекско-казахской комиссии по делимитации границ в ходе которых удалось отработать более 90 % линии границы (2134 из 2352 км). Изначальная разница подходов обусловила и отличие в официальных названиях полномочных групп: «Правительственная делегация Республики Казахстан по делимитации государственной границы с Республикой Узбекистан» и «Правительственная комиссия Республики Узбекистан по делимитации и демаркации государственной границы с Республикой Казахстан». Итогом для двухлетнего переговорного процесса стал ноябрьский (16–17 ноября 2001 г.) официальный визит И. Каримова в Казахстан, в ходе которого стороны подписали Соглашение об делимитации государственной границы. Вместе с тем, за рамками Соглашения остался наиболее острый вопрос о принадлежности бывшего Бостандыкского района Чимкентской области, а также

поселков Багы, Туркестанец и Арнасай. Достаточно показательным был факт очередных перестрелок на границе (как раз в районе поселка Багы), имевший место непосредственно накануне ноябрьского саммита [21].

Экспертная группам было дано поручение разработать новый вариант компромиссного соглашения к маю 2002 г.; работа согласительных комиссий была в целом завершена к сентябрю 2002 г.; когда в ходе очередного визита президента Республики Узбекистан в Астану стороны подписали Договор об отдельных участках казахстанско-узбекской государственной границы, который подвел черту под многолетними узбекско-казахскими разногласиями по пограничным вопросам. На совместной пресс-конференции в Астане оба лидера дали практически идентичную оценку данному документу: «сегодня мы окончательно решили вопрос казахстанско-узбекстанской границы» (Н. Назарбаев); «у Казахстана и Узбекистана не осталось никаких спорных территорий и никаких спорных вопросов по государственной границе» (И. Каримов) [19].

Как представляется, в течение последних лет высшее руководство Узбекистана в конечном счете смогло критически переосмыслить в целом негативный опыт многолетнего взаимодействия с северным соседом и осознать бесперспективность своего конфронтационного курса в условиях неуклонного снижения зависимости южного Казахстана от узбекских поставок электричества и газа и одновременно сохранения и даже увеличения собственной зависимости по транзиту и зерну. Сегодня еще трудно оценить возможные последствия этого, несомненно, позитивного сдвига в двусторонних узбекско-казахских отношениях, тем не менее, учитывая их многолетний волнообразный характер, сохранение все еще большого количества всевозможных раздражает раздражителей в двусторонних отношениях и по-прежнему невысокой уровень взаимного доверия, делать излишне оптимистические прогнозы было бы все же преждевременно.

2 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ КЫРГЫЗСТАНОМ И ТАДЖИКИСТАНОМ

Все последние десять лет двусторонние киргизско-таджикские отношения не отличались не глубиной, ни доверительностью. Сказывались застарелые этно-территориальные конфликты, существующие на фоне извечной нехватки земли и воды, глубокие различия в этнопсихологии (преобладание традиций кочевого или оседлого типа; разная степень исламизированности двух народов¹), комплекс проблем, порождаемых региональным наркотранзитом, наконец, отсутствие каких-либо существенных взаимных экономических интересов. Показателями взаимного отчуждения все эти годы служат и почти полное отсутствие смешанных браков, и фактическое разделение мечетей в районах совместного проживания на «киргизские» и «таджикские», и крайне низкий уровень соответствующей языковой ассимиляции, и собственно, периодические мелкие стычки в приграничных районах. Совокупный показатель числа свободно владеющих языком другой этнической группы, а также тех, кто декларирует этот язык в качестве своего родного. По данным переписи 1989 г., среды киргизов, проживающих в Таджикистане, этот показатель составлял около 12 %, а среди киргизских таджиков лишь 4,5 %. Мы не располагаем необходимой статистикой по итогам переписей 1999–2002 гг. в Кыргызстане и Таджикистане. С другой стороны, следует подчеркнуть, что уже сама по себе малочисленность киргизской

¹ «Настоящие» мусульмане (узбеки и таджики) всегда испытывали неприязнь к «плохим» мусульманам – киргизами и казахами, которые приняли ислам только в XVII–XVIII вв. и исповедуют его весьма поверхностно. Эта неприязнь сыграла определенную роль и в конфликтах киргизов с узбеками и таджиками 1989–1990-е гг.

и таджикской общин, проживающих на сопредельных территориях играет все же роль скорее стабилизирующую, не позволяя местным экстремистам повторить «баткенский» сценарий лета 1989 г. Так, на начало 2000 г. в Таджикистане проживало менее 80 000 киргизов, которые составляли 1,3 % населения Республики Таджикистан; по итогам Первой национальной переписи населения Кыргызстана к марту 1999 г. число таджиков в Кыргызской Республике составляло 42 636 чел. (0,9 % населения КР) [1].

Напомним, что источником «баткенского» конфликта стали разногласия из-за неравномерного распределения поливных земель в приграничных районах. Таджики, не желая принимать во внимание виртуальную линию границы, стали самостоятельно осваивать земельные участки, находившиеся под киргизской юрисдикцией. В результате столкновений, быстро принявших межэтнический характер, были убиты три таджикских земледельца. В ответ последовали новые самозахваты киргизских земельных участков; киргизы же в отместку за камнями русло реки, текущей в сторону соседей. Конфликт удалось погасить, хотя самозахваты киргизских земель продолжались и в последующие годы.

Элементы позитивного диалога удавалось выстраивать либо за счет многосторонней координации в рамках ДКБ, ЕврАзЭС или «Шанхайской пятёрки», которая 16 июня 2001 г. была преобразована в Шанхайскую организацию сотрудничества (далее ШОС), либо благодаря общим для Душанбе и Бишкеке антиузбекским настроениям. Так, в частности, периодическая блокировка Ташкентом своих границ с соседями в районе Ферганской долины уже вызвало к жизни совместные киргизко-таджикские проекты объездных транспортных магистралей минующих территорию Республики Узбекистан. Так, в частности, после введения Узбекистаном в марте 2000 г. непомерной транзитной платы за проезд легкового транспорта через территорию Республики Узбекистан (45 долл. с автомашины) Бишкек и Душанбе незамедлительно подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве в реконструкции автотрассы

Худжант–Исфара–Ош–Мургаб и строительстве обходных дорог вдоль территории и анклавов Узбекистана [21].

Сегодняшнее киргизко-таджикские территориально-пограничные разногласия во многом обусловлены итогами административно-территориального размежевания советского периода. Однако, если в большинстве других случаев руководство СССР исходило из в целом, понятных соображений экономической или политической целесообразности, то передача Таджикистану районов с комплектно проживающим киргизским населением (Джиргатальский район, Восточный Памир) в данную логику ни в коей мере не укладывалась: речь, как известно, шла о традиционно используемых кочевниками-киргизами высокогорных пастбищах, к жизни на которую таджики-земледельцы были заведомо не приспособлены. В данном случае проведение границ зачастую определялось размера денежного или иного приношения членам картографических комиссий на местах.

Основной конфликтной зоной, тем не менее, остается Баткенский район, который в ноябре 1999 г. указом президента Кыргызской Республики преобразован в отдельную область, где три таджикских села Ворух, Чоркух и Сурх небольшими анклавами вклиниваются в киргизскую территорию. По крайней мере до 1999 г. Баткен не имел своего «паспорта» (также чертежа, описании населенных пунктов, перечня сведений о национальном и социальном составе жителей), что делало невозможным точнее определение площади и населения района, а соответственно и проведение любых делимитационных работ. Кроме того, дорога, проходящая через таджикских анклав Ворух, является единственной транспортной магистралью, соединяющей соседний с Баткеном Ляйлякский район с остальной частью страны. При этом таджики Воруха периодически перегораживали проезжую часть валунами, не пропуская транзитный автотранспорт. В результате с относительной регулярностью возникали и неизбежные межэтнические стычки. Вплоть до 1999–2000 гг. дополнительной проблемой было фактически бесконтрольное со стороны

киргизских властей поведение таджикской милиции, представители которой чувствовали себя в Баткенском районе как дома, проводя по собственному усмотрению обыски, проверки и даже изъятия [5]. Киргизские же милиционеры зачастую не были готовы даже зафиксировать эти факты, не имея возможности из-за отсутствия техники и горючего въехать на место происшествия. Лишь по итогам событий 1999–2000 гг. Бишкеку отчасти удалось взять ситуацию в Баткене под свой контроль; киргизская сторона была вынуждена пойти и на восстановление отдельных КПП на границе с Таджикистаном. Более того, имеющейся информации, руководство Кыргызстана с конца 2000 г. проводило минирование предполагаемых участков и направлений возможного прорыва боевиков ИДУ на киргизско-таджикской границе [14].

Предпринятые в 1995–1996 гг. киргизской стороной попытке начать официальный диалог на высшем уровне по проблеме делимитации бывшей межреспубликанской границы были фактически заблокированы руководством Таджикистана. На поиски взаимоприемлемого компромисса и одновременно подготовку соответствующих переговоров на высшем уровне был нацелен визит в Душанбе в 1995 г. вице-премьер Кыргызстана О. Ибраимова. Общего языка тогда найти так и не удалось. К настоящему времени разногласия по территориально-пограничному вопросу, где, по оценкам киргизской стороны, на повестке для дня остается проблема 70 спорных участков границы, хотя и не носят открыто конфронтационный характер, по-прежнему не находят своего окончательного решения. Работа по делимитации границы тормозится прежде всего таджикской стороной, рассчитывающей, что руководство Кыргызстана, обеспокоенная ослаблением позиций центральной власти в традиционно сепаратистски настроенных южных районах республики, будет в конечном счете вынуждена пойти на определенные уступки Душанбе. Свою негативную роль, несомненно, играют и региональные наркобароны, заинтересованные в сохранении определенного уровня нестабильности и отсутствие жесткого контроля над районами наркотранзита (к числу которых относится, в частности, Баткен).

Тем не менее, как представляется, по мере дальнейшего укрепления центральной власти в Таджикистане Душанбе сможет найти взаимоприемлемый компромисс с Бишкеком. Определенным стимулом в этом плане может послужить и вышеупомянутый внешний фактор, в частности, российское посредничество, а до некоторой степени и соответствующий переговорный процесс в рамках ШОС. Можно упомянуть, в частности, подписание 5 июля 2000 г. (в рамках душанбинского саммита «Шанхайской пятерки») трехстороннее Соглашение о точке стыка государственной границы Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан.

3 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ УЗБЕКИСТАНОМ И КЫРГЫЗСТАНОМ

Двусторонние узбекско-киргизские отношения в течение последних десяти лет выстраиваются на фоне застарелых этно-политических конфликтов, разнонаправленных моделей государственного строительства и внешнеполитической ориентации, а также глубокой односторонней зависимости Кыргызстана от стабильных поставок узбекского газа. В течение всех 90-х гг. узбекская сторона периодически использовала как газовый клапан, так и транзитные блокировки для откровенного нажима на соседей. Вплоть до 1997 г. возможность ответного использования Кыргызстана водного рычага (в весенне-летний период ферганская зона Республики Узбекистан серьезно зависит от поставок воды из водохранилищ Кыргызстана) всерьез не рассматривалась ни в Ташкенте, ни в Бишкеке, где в принципе стремились избежать любой излишней конфронтации. Тем не менее, в конечном счете, руководство Кыргызской Республики инициировала дискуссию о водно-энергетическом консорциуме (фактически идея введения платы за воду), сопровождая ее прозрачной угрозой перекрыть, в случае необходимости, регулярное водоснабжение узбекской части Ферганской долины [1].

В Бишкеке полагают, что за счет безвозмездного пользования водой Узбекистан освоил около 400 тыс. га земли, с которых получает прибыль около 360 млн. долл. в год. В свою очередь, эксплуатация водохранилищ на территории Кыргызстана создает проблемы для самого Кыргызстана: около 50 тыс. га орошаемых земель оказались затопленными, около 600 млн. долл. США ежегодно

расходуется на содержание водохранилищ. В руководстве Кыргызстана считают, что вода является товаром и исходят из необходимости установить плату в размере 2 цента за 1 кубометр воды. В начале января 2002 г. киргизский парламент принял закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Киргизии», где была официально зафиксирована эта позиция. Ежегодно в водохранилищах Токтогул, Курпсой, Ташкуми, Шамалдисай и Учкурган накапливается более 20,1 млрд. кубометров воды, из которых 14,7 млрд. кубометров (в том числе в вегетационный период более 9 млрд. кубометров) подается Узбекистану и Казахстану [6].

Дополнительным раздражителем для узбекского руководства в 1990-е гг. были западные оценки «демократического» досье Бишкека, равно как и подчеркнутая самостоятельность Кыргызстана в ее отношениях с Казахстаном и Россией.

Межэтнические узбекско-киргизские отношения, прежде всего на территории Ферганской долины, представляют собой одну из самых серьезных нерешенных проблем. Уже несколько десятилетий насчитывает киргизско-узбекский этно-территориальный конфликт, обусловленный прежде всего традиционным дефицитом земли и воды в Ферганской долине и подпитываемый глубокими различиями в этнопсихологии. Ситуация во многом напоминает специфику киргизско-таджикских разногласий. Как известно, в 1924 г. города Ош, Джалал-Абад, Узген, несмотря на подавлявший перевес не узбекского населения, были включены в состав Киргизии под тем предлогом, что иначе у южных киргизов не будет своих промышленных центров. Города эти и последующий период оставались преимущественно узбекскими по населению; вместе с тем, узбеки, по-прежнему контролируя торговлю и сферу обслуживания, оказались полностью лишены руководящих постов, отошедших к киргизам [8]. Сказывалась также определенная дискриминация узбекской общины в языковой и образовательной сфере. Конфликтный потенциал дополнительно подпитывался появившимися в узбекских городах киргизами-переселенцами из сельской местности. Последние

часто не имели ни своего жилья, ни даже пропуска и испытывали всевозможные трудности, связанные с проживанием и работой. В июне 1990 г. поводом для столкновений, а затем и последующего узбекского погрома послужило решение городских властей о выделении переселенцам-киргизам участков земли для строительства жилья. «Ошские события» нанесли тяжелый удар по относительной межэтнической стабильности в южном Кыргызстане и в немалой степени обусловили жесткие, (а подчас и экспансионистские) настроения в правящей элите Узбекистана. Во всяком случае, в Ташкенте неоднократно в 1990-е гг. заявление о «готовности оказать всю необходимую поддержку узбекским Кыргызстана» [1].

Не исключено, что реальной подоплекой трагических событий июня 1990 г. стало стремление киргизских властей предотвратить путем устрашения прогнозирувавшиеся в тот период автономистские (а тем более, сепаратистские) тенденции среди многочисленной и влиятельной узбекской общины юга Кыргызстана. Опасения эти подогревались и тенденцией неуклонного роста численности и удельного веса узбекского населения. Только согласно официальной статистике, соответствующая динамика выглядит следующим образом: 1939 год – 152 тыс. (10,4 %), 1989 год – 550 тыс. (12,9 %), 1993 год – 604 тыс. (13,5 %), 2000 год – 680 тыс. (14,1 %). Тем не менее, независимые наблюдатели называют более высокие цифры – от 900 тыс. до 1,1 млн. Так или иначе, определенные последствия может иметь превращение (состоялась в 1999 г.) узбеков во вторую по численности этническую общину страны. Руководство Кыргызской Республики, в частности, опасается активизации требований о предоставлении узбекскому языку того же статуса, который имеет русский язык. При этом данный фактор Бишкеке склонны рассматривать в прямой связи с вероятной угрозой демографической экспансии со стороны неуклонно увеличивающегося труда избыточного населения в узбекской части Ферганской долины. Так, в непосредственно граничащей с Кыргызстаном Андижанской области численность населения к началу 2000 г. составляла 2,2 млн. человек, а

уровень фактической безработицы оценивался в 30 %; при этом, беспроцентных показателей достигла плотность населения – 531 человек на кв. км [3].

Следует, впрочем, признать, что вышеупомянутые опасения руководства Кыргызстана имеют отчасти кланово-племенные корни: стоящие во главе республики с 1961 г. выходцы из северного племени сарыбыгыш прекрасно осведомлены о тесном взаимодействии между лидерами наиболее многочисленного и влиятельного южнокыргызского племени кипчаков с лидерами этнически близких и узбеков. К тому же и преобладающий на юге диалект имеет очевидные узбекские корни. Таким образом, речь, с точки зрения Бишкека, скорее идет о сохраняющейся угрозе южнокыргызского, а не собственно узбекского сепаратизма.

Что касается киргизской общины Узбекистана, то ее численность на сегодня можно оценить приблизительно в 350 тыс. чел. (1,4 % населения Республики Узбекистан). В качестве базисной для данной оценки взята цифра 300 тыс., приведенная в интервью И. Каримов ходе его визита в Кыргызстан [11]. Официальная узбекская статистика дает, тем не менее, существо более низкие цифры. Так, по состоянию на 1 января 2000 г. в Узбекистане был зарегистрирован 218 861 киргиз. В отличие от узбеков Кыргызстана киргизская община Узбекистана достаточно глубоко интегрирована, показателем чего является зафиксированный у киргизов самый высокий (по сравнению с другими меньшинствами) уровень «узбекоязычной ассимиляции» – 51 % по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года [3].

После февральских 1999 г. взрывов в Ташкенте узбекская сторона предпринимает ряд односторонних мер по фактической демаркации границы, чем вызывает серьезное беспокойство в Бишкеке, где прежде всего опасаются намерений руководства РУ окончательно оформил де-факто узбекскую юрисдикцию над спорными участками. Уже в марте 1999 г. Ташкент (после известного заявление И. Каримова о том, что массовая хлеба приезжими из Кыргызстана провоцирует серьезный продовольственный дефицит в Узбекистане)

делает следующий шаг и в одностороннем порядке идет на введение паспортного контроля и ужесточение таможенного режима. В ответ киргизская сторона в спешном порядке завершает подготовку проектов двусторонних документов по делимитации и уже в июле 1999 г. представляет к подписанию Меморандум по делимитации границ. Проект Меморандума был представлен в рамках первого заседания Совместной межправительственной комиссии по двустороннему сотрудничеству (Ташкент. 1999. 9–10 июля). Впрочем, в руководстве Республики Узбекистан, со ссылкой на преждевременность и непроработанность вопроса, отказались даже обсуждать данную тему.

В целом до 1999 г. территориально-пограничная проблема в узбекско-киргизских отношениях имела очевидно вторичный характер. Разногласия были преимущественно связаны не столько с установлением юридической принадлежности спорных участков, сколько с периодическим блокированием соответствующих трансграничных дорог со стороны Узбекистана. Речь в данном случае идет о целом ряде земельных участков, который еще в советский период были переданы Узбекистану на условиях временной (25 лет) аренды. Срок аренды по большинству этих участков (чаще всего вкраплениями находящихся на территории Кыргызстана) истек еще до 1991 г., однако руководство Узбекистана полагает, что затраты Узбекистана позволяют считать эти земли узбекскими. Их число (130–140 по разным оценкам) было уточнена лишь в 1999 г. по итогам работы специальной парламентской комиссии Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. Тогда же была названа и точная протяженность линии государственной границы между Кыргызстаном и Узбекистаном 1308 км. Небезынтересно, что ответные действия киргизской стороны эффективно пересекались личным вмешательством И. Каримова, которому таким образом, удалось добиться у А. Акаева снятия двух подряд акимов Ошской области (Б. Османова и Ж. Рустенбекова) [9]. Впрочем, после «баткентских событий» 1999 г. многочисленные блок-посты на трассе Ош–Джалал-Абад устанавливались уже на паритетных началах.

«Баткенские события» спровоцировали очень серьезное обострение в двусторонних узбекско-киргизских отношениях. В Ташкенте не скрывали крайнего раздражения в связи с беспомощностью киргизских властей и одновременно их неготовностью эффективно взаимодействовать с Узбекистаном. В своем выступлении в Фергане 30 августа 1999 г. президент Республики Узбекистан И. Каримов прямо заявил, что «наши войска целый месяц стоят на границе и бездействуют по вине властей»; в тот же день, выступая в Коканде, он позволил себе и куда более резкое высказывание о «недальновидности руководителя Кыргызстана, позвонившего превратить свою республику проходной двор» [12]. Впрочем, когда в один из критических моментов «баткенского» противостояния в Бишкеке решили принять предложенную Узбекистаном помощь (бомбардировки мест скопления боевиков), единственным итогом кратковременного взаимодействия сторон встал нанесенный (по ошибке) узбекской авиации бомбовый удар по киргизскому селу Кара-Тейит, где в результате погибли три и были тяжело ранены 17 мирных жителей. По версии Ташкента, это была вина киргизских военно-штабных структур, предоставивших своим узбекским коллегам неверные карты местности. Итогом «Баткена» стал и очередной виток территориально-пограничных разногласий, преимущественно в привязке к узбекским анклавом, расположенным на территории Кыргызстана. Всего таковых насчитывается четыре: Сох, Шахимардан, плюс два безымянных анклава. Со второй половины 1990-х гг. охрана этих анклавов осуществляется силами местных ополченцев, а также постоянно дислоцированными там подразделениями воздушно-десантных и пограничных войск Узбекистана. С ноября 1999 г. узбекская сторона приступила к полномасштабной установке противопехотных мин вокруг анклава Сох. Мины эти, без каких-либо предупредительных знаков, были установлены собственно на киргизской территории в 100–250 метрах от условной линии границы, в ряде мест уже демаркированной проволочными заграждениями². За прошедший период времени

² Информация по «Landmine Monitor Report» – это ежегодный мониторинг имплементации и

отмечены многочисленные факты гибели домашнего скота и даже случаи подрыва на минах граждан Кыргызстана. Сам факт установки минных полей без согласия на то киргизской стороны расценивается в Бишкеке как акт военного вмешательства. При этом Ташкент под различными предложениями неизменно отказывается передавать киргизской стороне, запрашиваемые ею карты минных полей. Последнее даже вынудило вице-губернатора Баткенской области направить в декабре 2000 г. официальное обращение в представительство ОБСЕ в Бишкеке с просьбой оказать воздействие на Республику Узбекистан через генерального секретаря ОБСЕ Я. Кубиша с целью убедить Узбекистан в необходимости передачи карт минных полей. Впрочем, и этот демарш не принес каких-либо ощутимых результатов [21].

Напряженность в двусторонних отношениях удалось лишь ненадолго снять в ходе сентябрьского 2000 г. визита И. Каримова в Бишкек; очередное обострение последовало в декабре 2000 – января 2001 г., после того как узбекские пограничники перекрыли участки киргизских автодорог, пересекающих территорию Узбекистана, а их киргизские коллеги в ответ предприняли действия по блокированию узбекских анклавов Сох и Шахимардан. Кроме того, узбекская сторона, вопреки сентябрьской договоренности двух президентов об упрощенном порядке пересечения границы, продолжала устанавливать новые пограничные посты. Только в Ферганской области, на участке, сопредельном с Баткенской областью Кыргызской Республики, с сентября 2000 г. по май 2001 г. дополнительно было установлено 7 пограничных и таможенных постов. А в феврале 2001 г. в стремлении добиться окончательного решения проблемы сохского анклава руководство Узбекистана по существу навязывает Бишкеку подписание на уровне глав правительств закрытого Меморандума об урегулировании правовых основ делимитации государственной границы между

нарушений положений Оттавской конвенции 1997 г. по запрету противопехотных мин. Следует заметить, что в Центральной Азии на 1 августа 2001 г. участниками этой конвенции являлись лишь Таджикистана и Туркмения. Соответственно, и претензии периодически, предъявляемые Узбекистану Бишкеком и Душанбе со ссылкой на Оттавскую конвенцию не являются релевантными с точки зрения международного права [22].

Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан. Меморандум в том числе предусматривал возможность передачи Узбекистану участка киргизской территории для соединения анклава Сох и Ферганской областью Республики Узбекистан в обмен на явно неравноценный участок самого анклава. Запланированная сделка не состоялась из-за утечки информации (по всей видимости, неслучайной) в бишкекскую прессу, вызывавшей волну возмущения и в кыргызском парламенте, и в обществе в целом. В результате в начале мая 2001 г. достигнутая предварительная договоренность была аннулирована, а дальнейшие переговоры по делимитации фактически оказались заблокированы. Тем не менее, по имеющимся информации, по сути дела прорывные сентябрьские 2002 г. договоренности между Ташкентом и Астаной могут в конечном счете послужить отправной пунктом для возможного последующего выхода на аналогичные компромиссные развязки и узбекско-киргизских отношениях. В руководстве Узбекистана, похоже, хотели бы постепенно снивелировать многолетние разногласия с Бишкеком, который, со своей стороны, сохраняет неизменную заинтересованность в скорейшем и взаимовыгодном решении накопившихся проблем в двусторонних отношениях [3].

4 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И ТУРКМЕНИСТАНОМ

Казахстано-туркменские отношения, в целом не отличаясь за прошедший период времени особой глубиной, одновременно оказались свободны от неразрешимых противоречий или застарелых раздражителей. Отсутствие каких-либо крупных разведанных месторождений в районе казахстано-туркменской границы на Каспии, делает второстепенными сохраняющиеся разночтения сторон по вопросу о формуле делимитации Каспийского моря. В 2001 г. на экспертном уровне был согласован проект совместного заявления, фиксирующего подхода Астаны и Ашхабада по вопросам определения нового правового статуса Каспийского моря. Из-за неуступчивости С. Ниязова заявления так и не было подписано. Вместе этого в Астане из уст президента Туркменистана прозвучало заявление об отсутствии каких-либо разногласий по вопросу делимитации Каспия [16]. Довольно скромные показатели взаимной торговли компенсируются относительной значимостью туркменских газовых поставок для Южного Казахстана. Так, во второй половине 90-х годов прошлого века туркменские поставки удовлетворяли 25 % потребностей Южного Казахстана в газе [20].

Определенные трения между Астаной и Ашхабадом стали возникать с конца 90-х гг. прошлого века в основном по вопросам транзитных перевозок. Скрытое недовольство Ашхабада чрезмерными, с его точкой зрения, доходами Астаны от транзита туркменского газа по российским контрактам (только в 2000 г. это сумма составила не менее 150 млн. долл.) в конечном счете вылилось в отказ предоставить Казахстану льготный режим по экспортным поставкам зерна в

Иран. В результате в Астане было принято решение о строительстве собственного зернового терминала в порту Актау. В области региональной геополитики интересы Казахстана и Туркмении либо как минимум не антагонистичны, либо даже корреспондируют в части объединяющих их антиузбекских установок.

В двусторонних отношениях фактически отсутствуют проблемные области и по линии межэтнических отношений. После 1923–1924 гг. (кровавые столкновения между казахами Мангышлакского и туркменами Красноводского уездов) каких-либо серьезных казахско-туркменских межэтнических разногласий не отмечалось. Сказывалось также и крайняя малочисленность соответствующих трансграничных этносов, и их очевидная политическая индифферентность. В Туркмении в настоящее время проживает чуть более 100 тыс. казахов, что составляет 2 % населения республики; количество туркмен в Казахстане не превышает нескольких тысяч человек [21].

Единственным историческим эпизодом, который мог бы стать потенциальным источником казахско-туркменских трений по территориально-пограничному вопросу было решение еще руководство СССР о передаче Туркмении в 1932 г. находившихся в казахстанской юрисдикции районов соляных промыслов залива Кара-Богаз-Гол с переносом межреспубликанской границы с южной на северную сторону залива. Это решение принималось исходя из поставленной задачи индустриализации Туркмении: в силу же отсутствия в 1932 г. на ее территории каких-либо разведенных полезных ископаемых добыча мирабилита рассматривалась в качестве единственного приемлемого варианта. К настоящему времени залив практически высох и (если не считать богатейшие запасы соли) представляет собой территорию площадью порядка 12 тыс. кв. км. Тем не менее, казахская сторона ни разу не вспоминала этот исторический эпизод и, судя по всему, не намерена ставить данный вопрос и впредь [10].

В течение всего периода независимого существования двух соседних государств вопрос каких-либо территориальных или пограничных разногласий в их отношениях не возникал ни разу. Обе стороны руководствуются в этом плане

положениями известных многосторонних документов СНГ, фиксирующих принцип нерушимости сложившихся еще в советский период межреспубликанских границ. Оставшиеся преимущественно административно-технические проблемы были переданы на согласование совместной делимитационной комиссии, учрежденной в июне 1999 г. В условиях отсутствия каких-либо серьезных противоречий комиссия смогла отработать все 400 км госграницы и завершить свою работу за восемь месяцев – с ноября 2000 г. по июнь 2001 г. В результате в ходе встречи в Астане 6 июля 2001 г. два президента смогли подписать Договор о делимитации государственной границы между Республикой Казахстан и Туркменистаном, а также Соглашение о сотрудничестве в охране госграницы. Планов проведения последующих демаркационных работ, а тем более инженерно-технического оборудования границы стороны не имеют; более того, и в Астане, и в Ашхабаде подобные меры считают нецелесообразными.

5 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ УЗБЕКИСТАНОМ И ТАДЖИКИСТАНОМ

Следует признать, что все сменявшие друг друга 1990-е гг. модели узбекско-таджикских отношений, за редким исключением, носили исключительно конфликтный характер. Весь сложный комплекс как объективных, так и привнесенных разногласий требовал исключительно гибкого и деликатного подхода от обеих сторон, которые, тем не менее, постоянно демонстрировали неспособность находить взаимовыгодные развязки. Среди прочего, сказался и субъективный фактор крайне натянутых отношениях И. Каримова и Э. Рахманова. Катализатором взаимовыгодного узбекского-таджикского сотрудничества не стала и унаследованная от СССР система взаимодополняющих народно-хозяйственных связей, которая, напротив, породила у обеих сторон соблазн использовать элементы этой системы для оказания эффективного нажима друг на друга. В 1990-е гг. скорее, впрочем, приходилось констатировать одностороннюю зависимость Таджикистана прежде всего по газу, электроэнергии (результат уничтоженной гражданской войной когда-то мощной гидроэнергетической базы) и транспортному транзиту. Кроме того, около 90 % экономического потенциала Республики Таджикистан приходится на две анклавные зоны (Ленинабадская область и Гиссарская долина – Душанбе, Турсунзаде, Регарский алюминиевый комбинат), чье существование всецело зависит от устойчивых связей с Узбекистаном. С другой стороны, следует принимать во внимание и устойчивую сезонную зависимость (в весенне-летний период) Узбекистана от водоорошения полей в Ташкентской и с Сырдарьинской областях водой из Таджикистана [6].

Отсюда и ставшее вполне традиционным «сезонное» политическое потепление, когда в марте–июле Узбекистан обычно демонстрирует готовность идти на определенные компромиссы, отодвигая наиболее серьезные обострения в двусторонних отношениях на осеннее-зимний период, когда уже Таджикистан серьезно зависит от поставок узбекского газа и электроэнергии. В зимний период в распоряжении таджиков остается и определенный рычаг транспортного транзита в силу специфики автомобильного, железнодорожного и трубопроводного сообщения Ташкента с тремя областями Ферганской долины. Кроме того, в условиях длительного существования кризисной нестабильности в Таджикистане и Афганистане высокую степень уязвимости Узбекистана обуславливала также фактическая прозрачность узбекско-таджикской границы. Отсюда, с точки зрения Ташкента, выстраивались и две альтернативных линии поведения по отношению к Душанбе: либо реализация некоего выгодного Узбекистану сценария стабилизации Таджикистана, либо полномасштабное закрытие границы. В качестве наиболее желательного, хотя и не вполне реального, рассматривался сценарий, предусматривающий решение четырех основных внешнеполитических задач: 1) сохранение преимущественного влияния Узбекистана на внутри внутриполитические процессы Таджикистане; 2) восстановление выгодного ему межкланового баланса сил (обеспечения желательных статусных ниш для ленинабадцев и таджикских узбеков); 3) отсутствие прямых угроз самому Узбекистану как по этническому, так и по исламскому вектору; 4) ослабления влияния России при одновременном дозированном использовании ее потенциала узбекских интересах [6].

В целом до 1999 г. при значительной опоре на силовые методы воздействия Ташкент пытался поставить ситуацию в Таджикистане под свой контроль. Основными средствами нажима становятся газовая и транспортная блокада, а также периодическое использование всевозможных полевых командиров узбекского происхождения типа И. Бойматова или М. Худайбердиева. В конечном счете Ташкенту удалось предельно антагонизировать традиционно зависимое

соседнее государство, в котором в результате возникают и становятся трудно обратимыми антиузбекские настроения этно-политического реванша. Следует признать, что с конца 1990-х гг. эти настроения являются также важным элементом в процессе общетаджикского примирения. Естественным следствием такого положения вещей стало и негласное использование руководством Республики Таджикистан в качестве нового мощного рычага давления на соседей отрядов Исламского движения Узбекистана (ИДУ) [21].

Крайне непростой проблемой в двусторонних отношениях остается взаимозависимость этно-политического плана в силу существования количественно и качественно значимых узбекских общин в Таджикистане и таджикских – в Узбекистане. При этом серьезные разночтения начинаются еще на уровне статистики. Если сегодняшняя численность узбеков Таджикистана (1,4–1,5 млн. чел. или около 24 % населения Таджикистана) с небольшими коррективами признается обеими сторонами, то оценки численности таджиков в Узбекистане расходятся кардинально. На сегодня официальная узбекская статистика дает оценочную цифру 1,2 млн. таджиков, что составляет 5,1 % населения. Таджикская сторона, традиционно ссылаясь на результаты многолетней добровольно-принудительной ассимиляции таджиков Узбекистана, обычно называют цифры 4–5 раз большие. В апреле 1996 г. на проходившем в Таджикистане семинаре ОБСЕ по «Мерам укрепления доверия в Центральной Азии» практически впервые состоялось публичное выступление по данному вопросу представителя официального Душанбе (председателя парламентского комитета по межнациональным отношениям И. Усманова), который настаивал в частности на том, что таджики в Узбекистане составляют не менее 20 % населения. В сентябре 1999 г. еще большую цифру (6–7 млн. чел. или 24–28 %) озвучил на ташкентском семинаре ОБСЕ посол Таджикистана в Узбекистане Т. Мардонов [3].

Корня сложившейся ситуации следует искать еще в 1920–30-х гг. прошлого века, когда в силу преобладания тюркского (прежде всего узбекского) этического

элемента в органах власти и управления новообразованных Туркестанской и Бухарской республик таджикам было отказано в праве считаться одной из коренных национальностей Средней Азии, к которым были отнесены лишь узбеки, киргизы и туркмены [14]. Дополнительной политической подоплекой тогда послужило преобладания таджикского этнического элемента в басмаческом движении, равно как и более глубокая исламизированность таджиков. Сказалось и негласно покорявшееся Москвой насаждение в регионе общетюркской идеи, которая рассматривалась в качестве однозначно перспективной в свете стратегического союза со светской кемалистской Турция и успехов, достигнутых Анкарой в деле борьбы с нежелательным исламским влиянием. Все это отразилось и на методах проведения национально-территориального размежевания 1924 г.; так, таджики смогли добиться лишь статуса автономии в рамках Узбекской ССР; при этом, состав Таджикской АССР были включены самые заброшенные и отсталые окраины Бухарской и Туркестанской республик. Древние же культурно-политические центры таджиков – Бухара, Самарканд и Ходжанд – были оставлены в рамках Узбекистана. В целях окончательного закрепления за Узбекистаном таджикских территорий Самарканд был объявлен столицей Узбекской ССР, что неизбежно повлекло за собой массовый приток узбеков и частичное изменение демографического лица города. Самарканд передал полномочия столицы Ташкенту год спустя после образования Таджикской ССР и окончательной делимитации границ между двумя республиками. В тех же целях были фальсифицированы данные Всесоюзной переписи 1926 г., которые использовались в качестве базовых при проведении и всех последующих переписей населения [7]. Несмотря на то, что в 1929 г. Таджикистан все же получил статус союзной республики, в состав которой даже вошел Ходженский округ, ситуация коренным образом так и не изменилась: наиболее плодородные и выгодно расположенные земли Бухары и Самарканда остались в рамках Узбекистана, а политика ассимиляции на этих территориях была продолжена и в последующие годы. В специальном докладе инструктора ЦК

ВКП(б) И. Аммосова о положении таджиков в Узбекистане за 1929 г. отмечалось следующее: «Мы наблюдаем процесс насильственной ассимиляции национальных меньшинств путем сокрытия их национальности и превращения их в узбеков. Даже партийцы боятся, скрывают свое национальное происхождение и непременно записываются узбеками».

На сегодня существующие в узбекско-таджикских отношениях зоны латентных и открытых этно-территориальных конфликтов практически совпадают с районами компактного проживания соответствующих трансграничных этносов. На сегодня практически все ведущие политические фигуры Таджикистана (включая и Э. Рахмонова, и А-А. Тураджонзаде, и Г. Мирзоева, и М. Зиеева) позволяли себе прямые или косвенные намеки на возможность территориальных претензий на бухарско-самаркандскую зону [6].

Со своей стороны, Ташкент выстраивает свою политику по отношению к Таджикистану с учетом своего традиционного влияния на Гиссарскую и особенно Ленинабадскую зону. Последнее подчас расценивается в Душанбе в качестве завуалированных латентных территориальных претензий. Так, комментируя еще в 1992 г. «пожелания ленинабадцев присоединиться к Узбекистану на правах автономии» [13]. Ислам Каримов счел необходимым подчеркнуть, что Узбекистан будет «душой и телом болеть за узбеков и защищать их». От внимательных наблюдателей не укрылся тогда и его намек на то, что Ленинабадская область «населена в основном узбеками», хотя, по данным последней переписи 1989 г., их удельный вес в области составлял лишь 31,3 % населения. Не без участия Узбекистана и сами ходженцы периодически выступают с и идеями суверенизации Ленинабадской (сегодня Согдийской) области.

Наиболее известным эпизодом подобного рода стало выступление бывшего командира бригады таджикской армии полковника М. Худайбердыева, который в ноябре 1998 г. при соответствующей поддержке Ташкента предпринял попытку захватить власть в Ходженге. Последовавший за этим дипломатический скандал и публичные обвинения со стороны Э. Рахманова в прямом вмешательстве во

внутренние дела Таджикистана непоправимо испортили отношения между двумя странами [3].

Контуры некоего узбекско-таджикского компромисса обрисовываются было в первой половине 1999 г., когда была сделана обоюдная попытка сместить акцент с острой политической дискуссии на решение практических задач в сфере экономики. Тем не менее, проявленная здесь Ташкентом относительная гибкость не только не получает продолжения, но и сменяется очередными силовыми мерами воздействия на соседа.

Продолжение получают и предпринятые непосредственно вслед за ходженским мятежом односторонние шаги Узбекистана по демаркации неделимитированной границы. Первоначально, правда, колючая проволока и контрольно-следовая полоса появились лишь в районе Заamina, что узбекской стороной было объяснено «необходимость охраны Зааминского заповедника».

В конечном счете, осознание Ташкентом фактического провала своей прежней стратегии на таджикском направлении вынуждает руководство Республики Узбекистан принять решение о закрытии узбекско-таджикской границы; Ташкент форсирует односторонние меры по делимитации и демаркации, а на отдельных, особо опасных (прежде всего с точки зрения возможного прорыва ИДУ) участках и инженерно-технического оборудования границы (рвы и столбы с колючей проволокой). Небезынтересно, что установка столбов с колючей проволокой с узбекской стороны днем сменяется их демонтажем с таджикской стороны ночью. Уже с августа 2000 г. узбекские военные начинают также устанавливать на линии границы противопехотные мины [22, с. 917]. В ноябре–декабре 1999 г., а затем и в течение 2000 г. на границе отмечаются случаи перестрелки; позднее все более острым вопросам становится рост числа жертв минной войны. К апрелю 2001 г. число подорвавшихся на минах граждан Таджикистана достигает 56 человек [22, с. 918–919].

Весной 2000 г. начинает работу совместная комиссия по граничным проблемам. Впрочем, единственным итогом ее работы до настоящего времени

стала достигнутая в июле того же года договоренность о том, что граница между двумя странами будет основываться на решениях президиумов Верховных Советов Таджикской ССР и Узбекской ССР, принятых в 1961 г. Последующий переговорный процесс был фактически заблокирован после августовского 2000 г. вторжения ИДУ с территории Таджикистана. С сентября 2000 г. Ташкент, несмотря на многочисленные протесты Душанбе, в несколько этапов проводить минирование все новых участков границы, ссылаясь в том числе и на неспособность таджикского руководство контролировать ситуацию в собственной стране; отмечается случаи этнических таджиков из приграничных районов; блакирование границы приобретает практически постоянный характер. Председатель Комитета по охране государственной границы Республики Таджикистан генерал-майор Т. Комолов в своем заявлении от 22 сентября 2000 г. утверждает, что узбекская сторона минует практически всю линию узбекско-таджикской государственной границы. В Ташкенте эту информацию в принципе не опровергают, настаивая лишь на превентивно-избирательном характере своих действий при обязательном маркировании мест минирования [22, с. 917–918]. Со своей стороны Душанбе устами своего постпреда при постоянном совете ОБСЕ в апреле 2001 г. идет на предание гласности всех вышеприведенных фактов, открыто обвиняет Узбекистан в претензиях на доминирование в регионе и, наконец, фактически заявляет об отказе от сотрудничества с Ташкентом в борьбе против Исламского движения Узбекистана.

С учетом многолетнего конфликтного потенциала, накопленного обеими сторонами, на сегодня трудно прогнозировать пути и сроки устойчивой нормализации двусторонних отношений, равно как и семинарии возобновления регулярного узбекско-таджикского диалога по территориально-пограничной проблематике. Наиболее очевидным доказательством все еще крайне низкого уровня взаимного доверия служит, в частности, сохранение пусть и относительно немногочисленных групп ИДУ на территории Таджикистана, с одной стороны, и по-прежнему дееспособного отряда М. Худойбердыева на территории

Узбекистана, с другой. Судя по всему, и в Таджикистане, и в Узбекистане до сих пор не готовы окончательно отказаться от этих уже неоднократно использованных ими силовых рычагов воздействия на соседа.

6 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И КЫРГЫЗСТАНОМ

Казахско-киргизские отношения традиционно отличаются высоким уровнем политической координации и даже доверительности при периодических разногласиях в экономической области (отсутствие отлаженного механизма взаимопоставок поливной воды и электроэнергии в обмен на уголь и мазут; отсутствие единого таможенного тарифа; проблемы квотирования транзитной перевозки грузов и другие). В своей книге премьер-министр Казахстана К. Токаев пишет о «доверительном сотрудничестве» «братских республик», основанном на «глубоких исторических корнях родственных связей, общности языка, культуры, традиций» [20, с. 276, 279]. При этом необходимо заметить, что раз расхождение торгово-экономического плана, в отличие от схожей ситуации в отношении к Бишкеку, так и Астаны с Ташкентом, как правило не приводят к каким-либо существенным политическим осложнениям. Можно, правда, упомянуть двухнедельный кризис в двухсторонних отношениях в августе 2000 г., когда в ответ на фактическую блокировку Астаной грузовых и железнодорожных транзитных перевозок из Кыргызстана в Россию Бишкек впервые за десять лет пошел на использование «водяной заслонки», прекратив подачу поливной воды в Казахстан [13, с. 342].

На дополнительное укрепление казахско-киргизских отношений в целом работает и узбекский фактор (лидерские амбиции Ташкента, подкрепляемые периодическими попытками силового давления на соседей). Так, Астана и Бишкек в настоящее время разрабатывают планы поставок газа из Казахстана, что

позволит Киргизии ликвидировать газовую зависимость от Узбекистана. Несомненно благоприятным фоном для развития и углубления двустороннего сотрудничества служат взаимное этно-культурное тяготение двух народов и особые отношения между Н. Назарбаевым и А. Акаевым (можно упомянуть и их дальнейшее родство, и нашумевший «династический» брак сына А. Акаева и дочери Н. Назарбаева). Казахстан и Киргизия выступают с близких или согласованных позиций по большинству международных и региональных проблем, чаще всего активно поддерживая инициативы друг друга. Некоторые разночтения между ними, существуют по российско-русскому вектору.

В целом в сравнении с Н. Назарбаевым А. Акаев демонстрировал большую гибкость по отношению к России и местным этническим россиянам. Достаточно упомянуть подписанный Президентом Кыргызской Республики (29 мая 2000 г.) закон об объявлении русского языка вторым официальным языком государства. В больше чем наполовину русскоязычном Казахстане подобное решение неизменно блокируется этническими установками правящей элиты [21].

Подчеркнуто дружественной характер межгосударственных и межэтнических отношений, а также тот факт, что унаследованные от СССР бывшие межреспубликанские границы в целом соответствуют карте расселения двух соседних народов, обусловили и практическое отсутствие каких-либо значимых территориально-пограничных проблем между Астаной и Бишкеком.

Едва ли не единственным вопросом в этом плане были от отошедшие еще в период национально-территориального размежевания 20-х–30-х гг. на правах аренды соответственно Казахстану и Киргизии 836,7 тыс. га пограничных пастбищ и урочищ. Разумеется, определенные разногласия между сторонами существовали (наиболее известным объектом подобных разногласий являлось в свое время урочище Сусамыр), но они не помешали уже в мае 1993 г. завершить соответствующие переговоры подписанием межправительственного Соглашения о межреспубликанском пользовании землями, согласно которому до 1 января 1996 г. подлежали возврату 139 тыс. га земли Кыргызстану и 697,7 тыс. –

Казахстану. К концу 1998 г., когда стороны начали соответствующие консультации³ уже по проблемам делимитации границы в числе нерешенных (хотя по обоюдным признаниям, отнюдь не болезненным) вопросам оставались лишь 40 небольших несогласованных пограничных участков. Такова оценка киргизской стороны. По утверждению же министра иностранных дел Казахстана Е. Идрисова, спорных участков не было изначально. К апрелю 2001 г. было описано и согласовано 350 км границы; нерешенными оставались только некоторые технические вопросы, в том числе картирование пограничной линии. Уже 24 июля 2001 г. по итогам переговоров с Н. Назарбаевым в Бишкеке А. Акаев сделал заявление о фактическом завершении процесса делимитации казахско-киргизской государственной границы. Этому заявлению предшествовало подписание двустороннего коммюнике о делимитации казахско-киргизской государственной границы [15]. Подписание итогового документа (Соглашения) о делимитации казахско-киргизской государственной границы состоялось в сентябре 2001 г. в ходе официального визита А. Акаева в Казахстан [20].

Весьма показательным стало и принятое в ноябре 2000 г. решение обе стороны об изучении возможностей создания вдоль своих границ зоны военной транспарентности и доверия по уже действующему образцу, существующему в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

³ Старт переговорам был дан встречей двух президентов в Чолпон-Ате в 1998 г., в ходе которой был подписано Соглашение о делимитации границ между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой

7 ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ УЗБЕКИСТАНОМ И ТУРКМЕНИСТАНОМ

Маятник узбекско-туркменских отношений в течение последних десяти лет периодически проходит одни и те же три фазы: 1) стагнация – 2) коротких всплесков политико-дипломатической активности – 3) обострения многочисленных проблемных зон. Сказываются разногласия (в целом скорее разрешимые) по вопросам водопользования (усугубляемые дальнейшим обмелением Амударьи и катастрофической засухой 2000–2001 гг. в Каракалпакии), транспортного и трубопроводного транзита, трансграничных месторождений углеводородов. Не меньшее значение имеет также разнонаправленность внешнеполитических курсов (туркменский нейтралитет плохо стыкуется с попытками Ташкента выстраивать под себя всевозможные интеграционные схемы в Центральной Азии) и элементарная взаимная неприязнь лидеров двух стран. Вместе с тем, более значимым представляется отсутствие у обеих сторон как реальных рычагов силового воздействия друг на друга, так и устойчивых политических и экономических стимулов для взаимовыгодной кооперации. Тем не менее, в качестве определенного тактического спланиваемого момента можно обозначить периодическое совпадение антироссийских настроений Ташкента и Ашхабада. Впрочем, и переоценивать значение этого фактора не следует. Совокупность вышеназванных факторов позволяет прогнозировать все более затяжную стагнацию в двусторонних отношениях, сопровождаемую вялотекущей конфликтностью в экономической и политической сфере [21].

На протяжении всех 1990-х гг., несомненно, стабилизирующую роль в узбекско-туркменских отношениях играл фактор трансграничных этносов. В силу малочисленности⁴, традиционно активных и влиятельных в сфере торговли и бизнеса, а также составляющих большинство имамов-хатыбов «пятничных» мечетей. До сегодняшнего дня наблюдатели не отмечали практически ни одного серьезного случая узбекско-туркменской межэтнической напряженности; более того: ни периодические межгосударственные разногласия, ни проблемы нехватки воды, в отличие от других регионов Центральной Азии, не послужили катализатором каких-либо трений между двумя общинами. Ситуация стала несколько меняться последние два-три года. Во-первых, на положении узбекского меньшинства начало сказываться проводимая туркменскими властями политика всеобщей «туркменизации» страны. Во-вторых, резко увеличился приток узбекского населения через границу. В Ашхабаде заговорили даже о «демографической экспансии» из Узбекистана, о массовых фиктивных браках приезжих узбеков с местными туркменками и о растущем вывозе продовольствия из страны. В результате в феврале 2001 г. туркменская сторона пошла на односторонние меры по ужесточению пограничного режима, отменив ранее существовавший упрощенный безвизовый порядок перехода границы для жителей приграничных районов (действовал в соответствии с Соглашением об узбекско-туркменском визовом режиме от 9 ноября 1999 г.) и существенно сократив число действующих КПП. Рассматривался также и вопрос об установке проволочных заграждений как на отдельных участках границы, так и даже на всем ее протяжении. Все это больно ударило, прежде всего, по интересам узбекского

⁴ в Узбекистане, Туркмены составляют менее 0,7 % населения (около 150 000 чел.). Лишь в приграничной Каракалпакии этот процент существенно больше – 5 %) и очевидной инертности туркменской общины в Республике Узбекистан, речь в данном случае идет прежде всего об узбеках Туркменистана (сегодня узбеки являются второй по численности этнической общиной Туркменистана и составляют, по официальным оценкам, около 500 тыс. чел. или 9–10 % населения. Иногда называемые большие цифры (вплоть до 1 млн. чел.), скорее всего, являются сильным преувеличением. Узбеки компактно проживают в Дашховузском и Лебапском велятах вдоль границы с Узбекистаном).

населению по обе стороны границы и, разумеется, негативно сказывалось на межгосударственных узбекско-туркменских отношениях [10].

Первым важным шагом в плане делимитации узбекско-туркменской границы стало Соглашение о сотрудничестве в охране государственных границ от 16 января 1996 г., где была признана нерушимой линия бывшей межреспубликанской границы. Вместе с тем, и после 1996 г. отмечались случаи незаконного занятия туркменской территории (на участках до полутора километров в глубину) в основном представителями узбекских таможенных и пограничных служб. Достаточно жесткая ответная реакция Ашхабада не позволила узбекской стороне приступить к односторонней демаркации, хотя в Ташкенте и рассматривали подобную возможность. Более того, 29 октября 1999 г. в инициированном Ашхабадом Соглашении между пограничными службами двух стран узбеки и фактически выразили готовность постоянно восстановить прежнюю линию границы по всей ее длине, что затем было вновь подтверждено и в ходе ноябрьских переговоров в Ташкенте министра иностранных дел Туркмении Б. Шихмурадова [21].

23 июня 2000 г. ашхабадский раунд двусторонней межправительственной комиссии по делимитации завершился подписанием протокола, в котором было зафиксировано отсутствие взаимных территориальных претензий и признание линии бывшей межреспубликанской границы в качестве межгосударственной. А уже 22 сентября 2000 г. в ходе официального визита И. Каримова в Туркменистан два президента подписали Договор о делимитации государственной границы, которая подвел правовую черту под двухлетним процессом. Тем не менее, по взаимному (хотя и негласному) признанию сторон, немногочисленные спорные участки на границе все же остались. Впрочем, уже летом 2002 г. очередной виток напряженности туркменско-узбекских отношениях, обусловленный преимущественно неприкрытыми антиузбекскими настроениями С. Ниязова, практически свел на нет успехи 1999–2000 гг. Туркменистан идет на одностороннее увеличение численности группировки

погранвойск вдоль границы с Узбекистаном до 4 тыс. чел., а также на одностороннее инженерно-техническое оборудование границы (установление заграждений из колючей проволоки) [21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Умение прошедшего десятилетия показывает, что существующие в Центральной Азии этнотерриториальные и пограничные проблемы, не находя подчас адекватных и взаимовыгодных решений, существенно снижают уровень взаимного доверия в регионе и серьезно питают региональную нестабильность. Несомненное значение при этом имеют факторы объективного исторического порядка, такие, например, как несоответствие значительной части сложившихся межреспубликанских границ карте расселения центральноазиатских этносов; проблему дополнительно усугубляют факты односторонней демаркации и минирования неделимитированной границы. При этом ситуация по пограничной проблематике в целом чрезвычайно запутано. Значительные территории подчас считаются несправедливо и неправомерно переданными под юрисдикцию соседа. Работе по делимитации существенно усложняет также наличие в обороте огромного количества заведомо противоречащих друг другу административно-хозяйственных документов различных лет.

Из семи рассмотренных двусторонних моделей решение этнотерриториальных и пограничных проблем лишь две (казахско-туркменская и казахско-киргизская) носят в целом бесконфликтный и взаимовыгодный характер; в трех случаях (узбекско-казахские, узбекско-туркменские и киргизко-таджикские отношения) можно говорить о преимущественно латентной конфликтности и либо отсутствии, либо фоновом значении фактора взаимной выгоды; наконец, в узбекско-таджикских и узбекско-киргизских отношениях преобладают

откровенно кризисные элементы при политической неготовности сторон к поиску долговременных компромиссов.

В 1998–1999 гг. столь долго откладывавшийся переговорный процесс делимитации межреспубликанских (а также части международных) границ бывшего СССР все же начался соответствующих двусторонних форматах. К сегодняшнему дню достигнут и определенный процесс, который, тем не менее, следует оценивать с осторожным оптимизмом: не только объективные противоречия и преобладающая советско-азиатская конфликтная ментальность руководство страны региона, будут, судя по всему, и далее подпитывать многие из существующих сегодня проблем и разногласий, включая и этнотерриториальные.

Тем не менее, представляется, что на выше обозначенный переговорный процесс определенное позитивное воздействие может оказать и в целом стабилизирующий на сегодня внешний фактор: это – и влияние многостороннего сотрудничества в рамках ШОС, и определенная активизация России и Китая в Центральной Азии (как на «шанхайском», так и на экономическом треках), и в целом, пусть и не вполне однозначная, роль американского присутствия в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Аламанов, С. Трансграничные конфликты / С. Аламанов, А. Уметалиева // Альманах «Опыт Кыргызской Республики в управлении кризисными ситуациями». – Женева-Бишкек-Рига-София, 2014. – С. 155–195.
- 2 Алибек, С. Н. Из истории Советской власти на юге Казахстана в 1917–1927 гг. / С. Н. Алибек. – Алматы, 2009. – 180 с.
- 3 Бабаджанов, А. П. Проблемы межгосударственных отношений в Центральной Азии (на примере таджикско-узбекских и киргизско-узбекских отношений) / А. П. Бабаджанов, С. И. Чернявский // Вестник МГИМО (Университета). – 2010. – № 5 (56). – С. 33–36.
- 4 Бартольд, В. В. Таджики. Исторический очерк / В. В. Бартольд. – Ташкент, 1925. – С. 93–111.
- 5 Вечерний Бишкек. – 1996. – 10 мая.
- 6 Имомов, А. Территориальные и земельно-водные конфликты в Центральной Азии: взгляды из Таджикистана / А. Имомов // Центральная Азия и Кавказ. – 2013. – Т. 16. – Вып. 2. – С. 124–139.
- 7 Исмаилов, А. И. Из истории спорных территорий при национально-государственном размежевании в Средней Азии в 1924–1925 гг. / А. И. Исмаилов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2008. – № 1. – С. 109–111
- 8 Койчуев, А. Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924–1927 гг.) / А. Койчуев. – Бишкек, 2001. – 117 с.
- 9 Мамбеталиев, К. К проблеме узбекско-киргизской границы в освещении СМИ Киргизии // Многомерные границы Центральной Азии. – М. Гендальф, 2000. – Вып. № 2. – С. 27–43.
- 10 Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад. 2000 / Под ред. В. А. Тишкова и Е. И. Филипповой. – М.:

Центр по изучению и разрешению конфликтов Института этнологии и антропологии РАН, 2001. – 414 с.

11 Народное слово. – 1994. – 17 января.

12 Народное слово. – 1999. – 31 августа.

13 Независимая газета. – 1992. – 15 мая.

14 Независимая газета. – 2001. – 19 января.

15 Независимая газета. – 2001. – 25 июля.

16 Независимая газета. – 2001. – 7 июля.

17 Образование Казахской ССР: Сборник документов и материалов. – Алма-Ата, 1957. – 167 с.

18 Ожукеева, Т. XX век: возрождение национальной государственности в Кыргызстане / Т. Ожукеева. – Бишкек, 1993. – 110 с.

19 Сообщение ИТАР-ТАСС // Новости. – 2002. – 9 сентября.

20 Токаев, К. Внешняя политика Казахстана в условиях глобализации. – Алматы: АО САК, 2000. – 584 с.

21 Трофимов, Д. А. Этнотерриториальные и пограничные проблемы в Центральной Азии / А. Д. Трофимов // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий: Учебное пособие / Под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: МГИМО (Университет); РОССПЭН, 2004. – С. 426–454.

22 Landmine Monitor Report. 2001 <http://www.the-monitor.org/en-gb/reports/2001/landmine-monitor-2001.aspx> 8